

**МИФ О ДЕДАЛЕ:
ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Н.Б. Мында

Среди других персонажей критского цикла мифов, «современников» Миноса, совершенно особое место занимает загадочная фигура замечательного зодчего, скульптора и изобретателя Дедала. Ему посвящено одно из самых интересных и вместе с тем наиболее трудных для понимания сказаний этого цикла. С Миносом Дедала связывают сложные отношения дружбы и сотрудничества, переходящие в тайную, а затем в открытую вражду. Из усердного слуги и помощника критского владыки, с величайшим искусством и находчивостью выполняющего самые неожиданные прихоти царя и его супруги, Дедал волею судьбы превращается в смертельного врага и в конце концов становится косвенным, а по некоторым версиям мифа, даже и прямым виновником его гибели.

Дедал¹ – герой, величайший художник, скульптор и зодчий Афин. «Миф о Дедале возник в Афинах, окончательно сформировался в период поздней классической мифологии, когда выдвигаются герои, утверждающие себя не силой и оружием, а находчивостью и мастерством»². Он считался изобретателем статуй, представляющих тело в движении и с открытыми глазами, и различных орудий, например топора, пилы, булава, ватерпаса и др.

Родиной этого героя называют Аттику. Время жизни по Павсанию (*Paus.* X, 17, 4) – когда в Фивах царствовал Эдип. «Родословная Дедала, которой единодушно придерживается вся античная традиция, не отличается особенной убедительностью и при желании может быть легко парирована с помощью самых простых контрдоводов»³. Афинская родословная Дедала в том ее виде, в котором мы находим ее у таких поздних авторов, как Аполлодор, Диодор, Павсаний, носит явно искусственный характер, поскольку в ней преобладают имена с весьма прозрачным значением: все они так или иначе характеризуют центральную фигуру – самого Дедала как искусного мастера, человека необычайной силы ума, изобретательности и находчивости (прием, широко практиковавшийся при составлении мифических генеалогий)⁴. Таковы имена отца Дедала, по одной версии мифа – Евпалама⁵, что буквально означает «человек с хорошими руками» (*Apollod.* III, 15, 8), по другой – Метиона (*Diod. Sic.* IV, 76; *Plat. Ion*, 533)⁶; его матери, которую звали, по одной версии, Ифиноя, то есть «могучая умом»⁷, по другой – Фрасимеда, то есть «смелая мыслями» (*Schol. Plat. rep.* 529D)⁸.

Образ Дедала, ставшего впоследствии героем, стоит, пожалуй, ближе к образу «вестника богов» Гермеса, нежели к образу бога-кузнеца Гефеста, в котором до сих пор усматривали его ближайшего «родственника»⁹. С Гермесом Дедала сближают некоторые общие черты характера, прежде всего необыкновенное хитроумие. Гермес, как и Дедал, – мастер на все руки, о чем может свидетельствовать хотя бы искусно изготовленная им из панциря черепахи лира

(*Hymn. Homer.* III, 40). Существует и важный внешний признак сходства, указывающий опять-таки на давнее и очень глубокое родство этих двух, казалось бы, столь далеких друг от друга мифических персонажей. От всех прочих крылатых существ, фигурирующих в греческой мифологии, Дедала отличает то, что его крылья, слепленные из птичьих перьев, представляют собой всего лишь искусственное приспособление для полета. Но то же самое можно сказать и о крылатой шапке, сандалиях, или (в первоначальном варианте) сапогах-скороходах Гермеса¹⁰.

Как передают мифы, племянника и вместе с тем своего ученика Талоса¹¹ Дедал столкнул с вершины Афинского Акрополя¹², позавидовав необычному искусству и изобретательности, которые этот двенадцатилетний юноша (*Ov. Met.* VIII, 242) успел проявить в различных видах ремесленной деятельности (некоторые авторы приписывают ему изобретение топора, бурава, пилы, циркуля и гончарного круга – *Diod. Sic.* IV, 76; *Ov. Met.* VIII, 247; *Hug. Fab.* 274; *Serv. ad Verg. Georg.* I, 143; *Id. ad Verg. Aen.* VI, 14). В свое время К. Кереньи вполне оправданно сравнил ниспровержение Талоса с вершины Акрополя с практиковавшимся на острове Левкада в святилище Аполлона Левкада обрядом сбрасывания приговоренных к смерти преступников со знаменитой Левкадской скалы в море¹³. Иногда эту жертву подземным или, может быть, подводным богам добровольно совершал кто-нибудь из жрецов святилища или специально с этой целью прибывших сюда паломников¹⁴. Обычай такого, как называет его тот же К. Кереньи, «культового полета»¹⁵ был известен и за пределами Греции.

Факты такого рода дают основание для того, чтобы «интерпретировать и убийство Талоса, и гибель Икара как переосмысление обычая сакрального самоубийства, конечной целью которого могла быть, с одной стороны, добровольная жертва богам преисподней, с другой же – вечная жизнь самоубийцы в загробном мире. Дедал в каждом из этих двух случаев мог первоначально выступать в роли проводника и наставника неофита (эта же функция была и у Гесты), хотя позднейшая явно сильно переработанная мифологическая традиция превратила его в истории гибели Талоса в злобного завистника и убийцу, не пощадившего даже кровного родича, в рассказе же о смерти Икара в несчастного отца, дорогой ценой заплатившего за свое дерзкое изобретение»¹⁶. Нельзя не согласиться с В.В. Ивановым, заявившим, что «античную мифологию следует интерпретировать как новую жизнь архаических мифов – как переложение (и одновременно переосмысление) последних, как вторичное воссоздание архаических мифов, по большей части, не сохранившихся»¹⁷.

Признанный виновным в ареопаге, Дедал после осуждения бежал на Крит к царю Миносу (*Apollod.* III, 15, 9). Кухнерт¹⁸ полагает, что Дедал и Икар уже из Аттики на Крит улетели через море на крыльях. Это подтверждает сообщение о том, что Икар утонул во время полета из Аттики на Крит (*FHG* II, 344, frg. 7). На вазе из Аттики первой половины VI в. Икар отсутствует во время «второго» полета с Крита на Сицилию¹⁹. Некоторые авторы говорят, что Дедал добровольно покинул Крит. Вот как сообщает об этом Павсаний: «Дедал по своему происхождению был из Афин, царского рода так называемых Ме-

тионидов, и был славен во всем свете столько за свое искусство, сколько и вследствие своих блужданий и постигших его несчастий. Убив сына своей сестры и зная законы своей родины, он добровольно отправился в изгнание на Крит...» (перевод С.П. Кондратьева)²⁰.

На Крите Дедал построил по поручению Миноса Лабиринт²¹ для чудовищного Минотавра, рожденного женой Миноса Пасифаей от быка. В одной из табличек кносского архива (*KN Gg 702*) упоминается богиня, имя которой заменено загадочным эпитетом «владычица лабиринта» (*dapuritojo rotinija*). Кто бы ни скрывался за этим обозначением, ясно одно: по крайней мере в конце XV в. до Р. Х. (время, которым обычно датируется архив Кносского дворца) Лабиринт был уже известен на Крите как некое культовое сооружение, хотя о том, что конкретно он представлял собой в это время, пока можно лишь гадать²². Древнейшее из известных сейчас графических изображений Лабиринта относится к несколько более позднему времени – концу XIII в. до Р. Х. Оно было вычерчено на оборотной стороне одной из табличек, найденных в архиве так называемого дворца Нестора в Пилосе²³. Наконец, оставил свой след в письменных текстах II тыс. до Р. Х. и сам создатель лабиринта Дедал, но не в качестве человека-зодчего, а, скорее, в качестве какого-то неизвестного нам божества. В одном из документов все того же кносского архива (*KN Fp I.X, 723*), содержащем перечень приношений масла различным божествам, среди которых встречаются как знакомые, так и совершенно незнакомые нам имена, прочитаны слова *dedarejode*, что, следуя законам фонетики микенского диалекта греческого языка, можно понять как *Daidaleionze*, т.е. «в Дедалейон» или в «святилище Дедала». Поскольку в конце XV или начале XIV в. до Р. Х. в Кноссе существовало некое святилище Дедала²⁴, мы вправе предположить, что сам он в это время был еще местным критским божеством, отнюдь не афинским архитектором и ваятелем, по прихоти судьбы заброшенным на Крит, как об этом рассказывается в позднейших мифах.

Что касается истории с деревянной коровой Пасифаи, «явно низводящей миф на уровень вполне рационалистически трактованного скабрезного анекдота, тем не менее она может быть интерпретирована как своеобразная профанация древнего минойского ритуала так называемого «священного брака» божественного быка с божественной коровой»²⁵. Ряд авторов полагает, что Минос прогневался на Дедала из-за того, что тот смастерил корову для похотливой царицы Пасифаи²⁶. Гигин (*Hug. Fab. 40*) сообщает, что Дедала и Икара из Лабиринта высвободила Пасифая.

В мифе о Тесее и Минотавре Дедалу отведена особая роль. Он не только создатель Лабиринта, но и единственный человек, владеющий его тайной, т.е. знающий, как в него проникнуть и как потом из него выйти. Именно он вручил Ариадне знаменитый клубок нитей, с помощью которого Тесей и его спутники сумели выбраться наружу после победы над Минотавром (*Verg. En. VI, 27–30; Apollod. Epit. I, 8–9*). Чудесная нить еще раз появляется в одном из эпизодов, связанных с пребыванием Дедала в Сицилии. Минос, разыскивая повсюду бежавшего от него Дедала, предлагает каждому, кого он подозревает в сокрытии

беглеца, попытаться пропустить нить через внутренние извилины морской раковины. Когда этот фокус удастся наконец проделать Кокалу, царю сицилийского города Камика, Минос сразу понимает, что Дедал находится именно у него (*Apollod. Epit.* I, 14–15). Этот эпизод показывает, что древние связывали с образом великого зодчего не просто постройку Лабиринта, но и в первую очередь саму его идею, которая могла быть воплощена и в каких-то иных, не архитектурных формах. Так, по сообщению одного из схолиастов гомеровской «Илиады» (*Schol. A. V. Σ*, 590), именно Дедал обучил Тесея и сопровождавших его молодых афинян священному танцу, который воспроизводил их блуждания по бесконечным переходам Лабиринта²⁷.

История об Икаре является самой поздней формой мифа. Сделав крылья, Дедал вместе с сыном улетел с острова. Во время полета Икар слишком высоко поднялся, так что от жара близкого солнца расплавился воск, которым слеплены были перья. Икар упал в море (Икарское) и утонул (*Ov. Met.* VIII, 183 слл.). Труп его унесло волнами на остров близ Самоса (Икарию), где он был погребен²⁸. Павсаний иначе передает эту историю (*Paus.* IX, 11, 5): «Когда Дедал бежал из Крита, устроив себе и сыну своему Икару маленькие суда и приделав к ним, что до тех пор было неизвестно, паруса, то, пользуясь попутным ветром, он намного обогнал флот Миноса, шедший на веслах. Таким образом, сам Дедал спасся, а у Икара, который менее искусно управлял своим судном, оно у него, говорят, перевернулось. Икар утонул, и его труп волны вынесли на бывший тогда безымянным остров, выше Самоса. Случайно был на нем Геракл; он узнал труп, похоронил его там, и еще доныне есть небольшая насыпь на мысе, выдающемся в Эгейское море» (перевод С. П. Кондратьева). Смерть Икара была искупительной жертвой за смерть Талоса²⁹.

Дедал прибыл в Нижнюю Италию, в город Кумы и здесь построил храм Аполлону (*Verg. En.* 6, 14). Из Кум Дедал прибыл в Сицилию, в город Камик (Иник), к царю Кокалу (*Paus.* VII, 4, 6). Минос, настигший его здесь, требовал выдачи его от Кокала, но дочери Кокала, полюбившие Дедала за его искусство, убили Миноса³⁰. Дедал, по преданию, посетил также и Сардинию. О месте смерти Дедала бытуют различные версии. Полагают, что он умер в Сицилии. Существует мнение, что он умер в ликийском городе от укуса змеи³¹.

Дедал считается создателем статуй, которые шагают, открывают и закрывают глаза (*Aristot. Polit.* I, 1253; *Eurip. Hek.* 838 и др.). Павсаний (*Paus.* IX, 40, 4) говорит, что у делосцев есть небольшой ксоан (деревянное изображение) Афродиты, у которой правая рука попорчена от времени, внизу же вместо ног у нее четырехугольная колонна. Эту статую Ариадна получила от Дедала. Статую Афродиты упоминает и Плутарх (*Plut. Thes.* XXI). У Павсания (*Paus.* VIII, 35, 2; IX, 11, 4; IX, 40, 3) упоминается ксоан, сделанный Дедалом для Геракла, стоявший на границе Мессении и Аркадии³². Изобретателем золотых статуй называют Дедала Аполлодор (*Apollod.* III, 15, 9) и Гигин (*Hug. Fab.* 274). Дедал известен также как архитектор. Он был строителем Лабиринта, грандиозного сооружения в Сицилии, бассейна реки Алабон в Мегаре, паровой бани. Он смастерил золотые соты для Афродиты. Все эти сведения содержатся у Диодора

(*Diod. Sic.* IV, 78). Известны имена учеников Дедала: это Эндой (он последовал за ним на Крит (*Paus.* I, 26, 4)), Эвхир, известный древний художник (*Plin. Nat. Hist.* VII, 205), был учеником и родственником Дедала. Он становится героем-родоначальником афинского рода Дедалидов, к которому принадлежит и Сократ, и мифическим представителем аттического и критского искусства.

Античных авторов, повествующих о приписываемых Дедалу диковинных постройках, изваяниях богов и всяких иных произведениях искусства, по-видимому, не особенно смущало то, что в большинстве своем эти сооружения и изделия были отделены от предполагаемого времени жизни самого их творца, по крайней мере, несколькими столетиями. Лишь три творения Дедала, бесспорно, принадлежат к первоначальному ядру мифа, которое без них просто не могло бы существовать и распалось. Это – деревянная корова, которую великий умелец смастерил для похотливой царицы Пасифаи, Лабиринт и, наконец, чудесные крылья, с помощью которых Дедал и Икар сумели бежать от грозного владыки Крита. «На каждом из них лежит ярко выраженная печать сказочной фантастики, что характеризует самого «чудотворного строителя» скорее как мага и чародея, чем как гениального зодчего или ваятеля»³³.

Современные ученые по-разному оценивают образ прославленного мастера. Одни вслед за древними готовы видеть в нем реально существующую историческую личность – то ли гениального критского зодчего, построившего грандиозный дворец в Кноссе (прототип мифического Лабиринта), то ли жившего совсем в иные времена основателя афинской школы ваяния. Другие настроены более осторожно и, хорошо сознавая величину дистанции, отделяющей миф от истории, считают Дедала фигурой скорее символического плана, воплощением пылливой человеческой мысли, мастерства и изобретательности. «Леонардо да Винчи бронзового или железного века» назвал Дедала А.Ф. Лосев³⁴, очевидно, полагая, что образ великого искусника может в равной степени восприниматься как символ технического прогресса и выдающихся художественных открытий крито-микенской эпохи и более позднего периода «архаического ренессанса». В такой трактовке Дедал превращается в «ближайшего родственника» титана Прометея, благодетеля человечества, жестоко поплатившегося за свои благодеяния, и других «культурных героев», которыми столь богата греческая мифология.

В условиях глобализации с нарастающей силой как естественный противовес унификации и стандартизации, как диалектически законченная противоположная тенденция в различных странах Европы ширится и углубляется процесс самоидентификации национальных культур. Самоидентификация русской культуры немыслима без обращения к ее античным и византийским корням, т.е. к греческой культуре. На каждом новом этапе своего развития русская культура находит свою античность, ее новые черты. При таком подходе сам факт обращения к античности с культурологических позиций всегда актуален и злободневен. Жизнь величайшего мастера Древней Эллады – Дедала – всегда привлекала внимание ученых. Предлагаемые автором сведения, как кажется, позволяют по-новому интерпретировать хрестоматийные античные феномены.

¹ Имя Δαίδαλος обычно считается производным от глагола δαίδαλλω, что значит «искусно отделять», «украшать» и вообще «быть искусным» в каком-то деле. Однако реальная зависимость здесь вполне могла быть обратной: можно предположить, что глагол и некоторые другие слова (существительные и прилагательные) того же корня были образованы от уже существовавшего негреческого имени «великого искусника» (*Fr. Schachermeyr. Die minoische Kultur des alten Kreta. Stuttgart, 1964, S. 311*). В пользу негреческого происхождения имени Дедала говорит зафиксированный на самом Крите (*Steph. Byz. s.v.*), а также в Малой Азии – на границе Кари и Ликии – топоним Дедала (*Liv. XXXVII, 22; Strab. XIV, 651, 664; Plin. Nat. Hist. V, 131*). Вместе с тем нельзя признать особенно успешными попытки ряда лингвистов установить индоевропейскую этимологию имени Δαίδαλος и других родственных ему слов греческого языка, связав их с корнем *del*, означающим «рубить», «рассекать», «резать» и т.п. (например, *P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Bd. I. P., 1968, s. 246*). Такого рода этимология не вяжется с поистине универсальной одаренностью мифического Дедала, в числе талантов которого талант резчика по камню, кости или дереву занимает далеко не самое первое место. Павсаний (*Paus. IX, 3, 2*) приводит другую версию происхождения имени Дедал: «В память этого примирения (Зевса с Герой. – *H.M.*) справляется праздник Дедалы, потому что древние называли деревянные изображения дедалами. По моему мнению, они так назывались еще раньше, чем Дедал, сын Паламаона, жил в Афинах. Я думаю, что ему самому дали такое прозвище лишь впоследствии, от названия этих дедалов, а не то, чтобы оно было присвоено ему с первого же дня рождения» (перевод С.П. Кондратьева).

² *Егорова Е.Н.* Миф о Дедале и Икаре: опыт историко-культурологического анализа. – Античность: эпоха и люди. Казань, 2000, С. 148.

³ *Андреев Ю.В.* Миноийский Дедал. – *ВДИ*, 1989, 3. С. 31.

⁴ Ср.: *Toepffer J.* Attische Genealogie. В., 1889, S. 166.

⁵ «*grein fictiven Heros Eupalamos*» (*RE, s. v. Daidalos, s. 1994*). У Диодора (*IV, 76*) мы читаем, что Евпалам – сын Метиона и отец Ерехтея.

⁶ Павсаний (*IX, 3, 2*) говорит, что Дедал является сыном Паламаона.

⁷ *Pherekyd. FHG I 97, frg. 105.*

⁸ По другой версии матерью Дедала является Метиадуза (*Tzetz. Chil. XI, 884*). Последняя по Аполлодору (*III, 15, 5*) – дочь Евпалама (следовательно, сестра Дедала) и супруга Кекропа (в *Schol. II, II, 536* Метион – сын Кекропа). Эту версию подтверждает тот факт, что дем *Daidalidai* принадлежит филе Кекропа (Дедал был мифическим родоначальником афинского рода Дедалидов. Но Ю.В. Андреев (Указ. соч., С. 32) полагает, что «ничего не доказывает также и существование в Аттике дема Дедалидов»). Имя «Кекроп» мы встречаем также у Павсания (*I, 27, 1*): «В храме Афины Полиады находится изображение Гермеса из дерева; как говорят, это посвящение Кекропа... Другие посвященные дары из числа древних, достойные упоминания, – это складное кресло работы Дедала... (перевод С.П. Кондратьева)». Плутарх (*Plut. Thes. XIX*) говорит, что Дедал является родственником Тесею, и притом родственником по крови, так как мать его, Мериоп, была дочерью Эрехтея. Тёпффер (Тоерпфер, *op. cit, s. 165*) пишет: «*hier die Meroper von Kos und die karische Örtlichkeit Daidala hineinspielen möchten*».

⁹ *RE, s. v. Daidalos, s. 1995; Becatti C.* «La Leggenda di Dedalo». – *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Rom, 1953/1954, 60/61, p. 24*; Н.Ж. Роуз. *Griechische Mythologie. München, 1976, S. 264*. Интересно, что Гефест в некоторых литературных произведениях, а также в рисунках на вазах носит прозвище Дедал, что может указывать на изначально существующую тесную связь между этими двумя персонажами греческой мифологии.

¹⁰ См. о них: *Raingeard P.* Hermès. Psychagogue. Essai sur les origines du culte d'Hermès. P., 1953, P. 384. Любопытно, что изображение одного из основных атрибутов Гермеса

– его крылатых «сапог-сорокоходов» – появляется в греческом искусстве задолго до первых изображений самого Гермеса. В микенских могилах XIII в. до Р. Х. на территории Аттики были найдены две пары терракотовых сапожек с рисунком, создающим видимость крыльев, закрепленных на задней части сапога. И по форме, и, видимо, также по своему назначению эта «обувь мертвых» почти ничем не отличается от волшебных сапог Гермеса, в которых он предстает перед нами на аттических чернофигурных вазах VI в. до н. э. (*Vermeule E. Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley, 1979, P. 68, not. 51*). Но как могли попасть эти, по выражению Гомера, «крылатые подошвы» в захоронения неизвестных нам жителей Аттики бронзового века? Не означают ли эти находки, что люди, похороненные в этих могилах, считались при жизни как бы дублерами божества в одной из наиболее существенных его функций – функции психагога, т. е. предводителя вереницы теней, покидающих землю в поисках последней загробной обители? «Быть может, крылатые сапожки, сделанные из обожженной глины, считались основным элементом того, что может быть названо «профессиональным реквизитом» таких проводников душ, и именно по этой причине должны были сопровождать их также и в последнем странствии в потусторонний мир» (*Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 44*).

¹¹ В качестве племянника Дедала он упоминается и в *FHG I, 56, 82 (Schol. Eurip. Orest. 1648)*. Талосом он также назван у Диодора (*Diod. Sic. IV, 76*), Лукреция (*Lcr. Pisc. 42*) и Аполлодора (*Apollod. III, 15, 9*). Павсаний (*Paus. I, 21, 4*) говорит, что звали его Калосом: «Если идти по афинским улицам от театра в Акрополь, то встречается могила Калоса. Этого Калоса, сына своей сестры и своего ученика по искусству, убил Дедал и потом должен был спасаться бегством на Крит; позднее он бежал в Сицилию к Кокалу» (перевод С.П. Кондратьева). В схолиях к Софоклу (*Schol. Soph. 1320*) упоминается пелопоннесский герой Талаос. Ср. у Павсания (*Paus. II, 6, 5*): «О Сикионе говорят, что он был не сыном Марафона и внуком Эпопея, а сыном Метиона, внука Эрехтея» (перевод С.П. Кондратьева). Делая Сикиона сыном Метиона, тем самым делают его братом Дедала и дядей Талоса (искусство резьбы по дереву и из слоновой кости, с древних времен процветавшее в Сикионе, указывает на родство между аттической и пелопоннесской техникой). Софокл в *Κάρικοι* frg. 300 сообщает о том, что Пέρδιξ (Куропатка) – имя матери Талоса, племянника Дедала. Овидий (*Ov. Met. VIII, 251–252*) повествует нам о том, что «мальчик в птицу (куропатку. – *Н.М.*) был обращен и летел по воздуху, в перья одетый» (перевод С. Шервинского). С этой трактовкой мифа можно сравнить миф о Дедалионе, брате Кеикса (сходство этого имени с именем Дедал, видимо, не случайно): узнав о гибели своей дочери Хионы, пораженной стрелой Артемиды за то, что она осмелилась равняться в красоте с самой богиней, он сбросился с одной из скал Парнаса, но был спасен Аполлоном, который превратил его в ястреба (*Ov. Met. XI, 294; Hyg. Fab. 200*). Известно также (*Suid. Phot. s. Πέρδικος ἱερόν*), что на Акрополе было святилище Пердикса, где мать Талоса, которая из-за печали по сыну повесилась, пользовалась героическими почестями. Kuhnert («Daidolos.» – *Jahrb. f. Philol. Suppl. XV, P. 197*) полагает, что племянника Дедала первоначально звали Пердиксом, впоследствии же он получает критское имя – Талос. Но такая версия недостаточно убедительна (*RE, s. v. Daidalos, s. 1997*).

¹² Павсаний и Лукреций (*Paus. I, 21, 9 Lcr. Pisc. 42*) говорят о южном склоне Акрополя. Гигин (*Hyg. Fab. 274*) сообщает о том, что Дедал сбросил Талоса с крыши дома. Этот вариант базируется на довольно позднем представлении о том, что Дедал, внук Эрехтея, имел жилище на Акрополе

¹³ *Kerényi K. Labyrinth-Studien. Amsterdam – Leipzig, 1941, S. 53*. По свидетельству Страбона (*Strab. X*), люди, приговоренные к казни такого рода, обычно избегали смерти благодаря тому, что перед «прыжком» со скалы их обвязывали птичьими перьями или даже привязывали к ним птиц, чтобы таким образом замедлить или смягчить па-

дение. В этой мере можно видеть смягчение первоначальной жестокости обычая. Более вероятно, однако, что именно такова и была его древнейшая форма, поскольку падение жертвы со скалы в море приравнялось ее мистическому полету в «мир иной».

¹⁴ *Kerényi K.*, op. cit., S. 53.

¹⁵ *Ibidem.*

¹⁶ *Андреев Ю.В.* Указ. соч. С. 42.

¹⁷ *Иванов В.В.* Античное переосмысление архаических мифов // *Ермолаев Н.А., Захаров А.А.* Миф и мифологическое сознание. – ВФ, 1986, 7. С. 150.

¹⁸ *Kuhnert*, op. cit., S. 188.

¹⁹ *Rayet. Gaz. arch.* 1884, IX, Taf. 1.

²⁰ *Paus.* VII, 4, 4. Ср. *Serv. Aen.* VI, 14.

²¹ Остается неоспоримым фактом догреческое, скорее всего минойское происхождение слова «лабиринт», которое нередко и, видимо, оправданно связывают с также догреческим названием двойной секиры – «лабрис». Как известно, этот предмет был важным культовым символом в религии минойского Крита. Само слово «лабиринт» в этом случае можно перевести как «дом или святилище двойного топора», хотя это мало приближает нас к пониманию его подлинного значения. См.: *Nilsson M.P.* Minoan-Mycenaean Religion and its Survival in Greek Religion. Lund, 1927, P. 189; *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. München, Bd. I, 1976, s. 276; *Kerényi K.*, op. cit., S. 42; *H.J. Rose*, op. cit., S. 175; *Гундин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 160.

²² Скорее всего, правы те авторы, которые приближают Лабиринт в его древнейшем минойском варианте к так называемым театральным площадкам, открытым в Кноссе и Фесте в непосредственной близости от дворцов и, по всей видимости, служившим своего рода оркестрами или аренами, на которых исполнялись различные культовые церемонии и танцы (*Willets R.F.* Cretan Cults and Festivals. L., 1962, P. 102; *Frazer J.G.* Golden Bough. Pt. III. L., 1912, P. 77; *Cook A.B.* Zeus. V.I. Cambr., 1914, P. 491; *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 214). В этом случае древнейшим упоминанием о Лабиринте в греческой литературе, по-видимому, может считаться известный пассаж в гомеровском описании щита Ахилла (Σ, 590–592), где изображенный Гефестом *χόρον ποικίλλε* (что можно понять с учетом всего контекста этого места как «замысловато устроенная площадка для танцев») сравнивается с тем, который некогда Дедал в Кноссе «искусно сработал для прекрасноволосой Ариадны». В свою очередь это дает основание для сближения мифической царевны Ариадны с упомянутой в кносской табличке безымянной «владычицей Лабиринта» (вероятно, одно из древнейших минойских божеств плодородия) – см. *Kerényi K.* «Herkunft der Dionysosreligion.» – Arbeitsgemeinschaft Nordrhein – Westfalen, 1956, S. 58; *Schavernoeh H.* «Die Krone der Ariadne.» – Antike Welt, 1983. Bd 14. Ht. 3, S. 48.

²³ *Schachermeyr Fr.*, op. cit., S. 308.

²⁴ *Wentris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1959, PP. 128, 306; *Palmer L.R.* The Interpretations of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1963, P. 236; *Stella L.A.* La Civiltà Micena nei documenti contemporanei. Roma, 1965, P. 253.

²⁵ *Андреев Ю.В.* Ук. соч. С. 32. См. также: *J.G. Frazer*, op. cit., P. 71; *A.B. Cook*, op. cit., P. 521; *R.F. Willets*, op. cit., P. 110.

²⁶ *Kuhnert*, op. cit., S. 192; *Robert.* «Pasiphae-Sarkophag, XIV» – Hall. Winckelm.-Progr., 1890, S. 15.

²⁷ Активное участие Дедала в центральном эпизоде мифа о Тесее и Минотавре позволяет предположить, что «его минойско-микенский прототип играл достаточно важную роль не только в сфере заупокойного культа, но также и в тесно связанной с ней сфере переходных обрядов или инициации. Чудесное спасение Тесея и прибывших вместе с ним на Крит афинских юношей и дев, их возвращение из заколдованного обиталища

Минотавра, откуда еще никто и никогда не возвращался, – сам этот сюжетный мотив архетипически несомненно восходит к обрядам именно такого рода» (Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 41).

²⁸ Ср. историю с Геллой. Море, где погибла Гелла, стало называться Геллеспонтом

²⁹ *RE*, s. v. Daidalos, S. 1997. «Когда точно отношение к Икару изменилось и он стал героем, предположить сложно. Но совершенно очевидно, что героический образ Икара не совпадает с тем, что описан в мифе. Поэтому, логично предположить, что речь идет о создании нового мифа, в котором Икар не просто ослушался отца и тем самым нарушил некий моральный принцип (хотя уже и в этом случае прежний миф перестает существовать), а практически сам стал инициатором полета, всегда об этом мечтал и погиб не зря, так как увидел Солнце» (Егорова Е.Н. Указ. соч. С. 151).

³⁰ *Paus.* VII, 4, 5. Эту же версию знают и другие писатели, например Гигин (*Hyg. Fab.* 44). Напротив, Диодор (*Diod. Sic.* IV, 79, 2) сообщает, что Кокал умертвил Дедала в горячей ванне. Дедал послужил причиной войны между сицилийцами и критянами (*Paus.* VII, 4, 5; *Hdt.* VII, 170). Возможно, так рационально миф объясняет причины этой войны.

³¹ Alex. Polyhistor в *Steph. Byz.* s. Δαίδαλα. *FHG* III, 235.

³² Здесь стоит вспомнить, что именно Геракл похоронил тело Икара. На монетах из Фив есть довольно архаическое изображение Геракла с дубиной и луком. Многие считают его копией Геракла работы Дедала.

³³ Андреев Ю.В., Указ. соч. С. 31.

³⁴ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 211.